

Ю. А. Тихомиров

СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВ: ГАРАНТИИ СТАБИЛЬНОСТИ И ДИНАМИЗМА

Аннотация: В статье дан анализ природы государства как сложной социальной системы, природы государственного суверенитета и основных форм его выражения. Рассмотрены внутренние и внешние факторы, которые могут ограничивать суверенитет.

Ключевые слова: юриспруденция, государство, суверенитет, конституционное право, международное право, международные структуры, верховенство права, интеграционные процессы, элементы государства, конституция.

В правовой картине мира немало острых проблем, волнующих мировое сообщество. И среди них – суверенитет. Именно правильное решение вопросов суверенитета позволяет видеть их место в нарастающих интеграционных процессах и сохранять классическое наследие народов и стран. Не случайно столкновение различных интересов на международной арене придает дополнительную остроту оценкам суверенитета государств.

История и современность подтверждают: государство является по-прежнему важнейшим фактором общественного развития. Поэтому именно на него обрушивается шквал критики, именно с ним связывают надежды на прогрессивные преобразования. Продолжается поиск ответов на вопросы: как реорганизовать власть, уменьшить или усилить влияние государства на экономику, обеспечить права граждан и демократизацию управления, как «войти» в международные структуры.

Юридическая наука делает акцент на нормативно-функциональной трактовке государства и характеристике его элементов. В то же время стали сильнее выявляться общие государственные дела наряду с классовыми, автор обращал внимание на своего рода «триаду» государственных дел – классовых, общих и всеобщих дел (в масштабе мирового сообщества)¹. Это позволило выйти за пределы традиционной трактовки государства как узкоклассовой политической организации. В дальнейшем был сделан акцент на социально консенсуальной функции государства². Государство рассматривается как

универсальная политическая организация в обществе, обусловленная его социальной асимметрией и необходимостью выполнения его «общих дел», как организация легализованного и легитимного принуждения, обладающая особой публичной властью³.

Полагаю возможным дать определение государства. Это – публичная организация общества для управления его общими делами на основе права. Такое определение конкретизируется в конституциях государств с помощью характеристик их конституционных признаков. Применительно к России речь идет о демократическом федеративном правовом социальном государстве с республиканской формой правления (статьи 1, 7 Конституции РФ). К сожалению, до сих пор в трактовке государства преобладает элементный подход. А это приводило и приводит к преувеличенной оценке роли одного элемента – публичной власти и недооценке других элементов и, естественно, к утрате их системных связей и взаимных влияний.

Между тем государство как сложнейшая социальная система состоит из нескольких элементов⁴. Это – граждане (народ, нация, население), это – публичная (государственная) власть, это – территория и ее границы, это – государственные ресурсы (налоги, бюджет, собственность), это – установление правового порядка, это – официальное представительство в мировом обществе. Каждый элемент представляет собой своего

1998, №4.

³ Чиркин В.Е. Основы сравнительного государственоведения. М., 1997, с.15–33.

⁴ Ю.А. Тихомиров. Современное публичное право, М., ЭСМО. 2008. с. 161–232; Его же. Государство: преемственность и новизна. М., Юриспруденция. 2011.

¹ Тихомиров Ю.А. Функционирование государства: диалектика классовых и общественных дел //Маркс и современная политическая теория. М., 1985.

² Алиев М. Государство как институт согласия //Федерализм,

рода подсистему со своими составными частями. Связи же между элементами – устойчивые и подвижные, и их забвение чревато государственными ошибками. Эти ошибки обнаруживаются в ходе развития государства, когда накапливаются изменения и меняются построение и компетенция государственных институтов, политические курсы и режимы. Совершаются государственные перевороты. Проводятся реформы.

В любом случае коренной вопрос развития государства – в трактовке суверенитета. Не воспроизводя классических теорий, отметим, что в нашей стране научный интерес к проблематике суверенитета в 40-х годах XX века приобретал остро политический характер. Напомним о полемике А. Я. Вышинского с авторами макета учебника «Теория государства и права» в 1949 г. по поводу понятия суверенитета государства как его фактической и юридической способности сделать свою волю обязательной для всех, на кого эта власть простирается. А если государство не способно себя защитить, значит, оно несuverенно. И взамен предлагалось определение суверенитета как состояния независимости данной государственной власти от всякой другой власти как внутри, так и вне грани этого государства⁵. Резонно.

В отечественной литературе сложились устойчивые трактовки суверенитета. Так, отмечается, что государство обладает суверенитетом, означающим возможность решать самостоятельно внутренние, а также внешние дела с соблюдением общепризнанных норм международного права. Оно не подчиняется какой-либо другой власти как внутри, так и вне его границ⁶. Суверенитет государственной власти есть политическое и юридическое выражение полновластия господствующего класса, его диктатуры⁷. Суверенитет государства означает его полновластие, независимость от какой-либо другой власти, самостоятельность в решении внутренних и внешних дел. Только государство издает предписания, обязательные для всего населения страны, только оно является официальным, юридически признанным представителем всего общества. Если государство суверенно, то уже никакие другие органы не осуществляют власть от имени всего населения страны как внутри, так и за ее пределами⁸. Суверенитет – одно из свойств государства⁹.

⁵ А. Я. Вышинский. Вопросы теории государства и права. Госуд. изд. Юрид. лит. Москва, 1949, с. 409-410.

⁶ Теория государства и права /под ред. Н. Г. Александрова. М.: 1958, с. 38.

⁷ Теория государства и права /под ред. М. П. Каревой. М.: 1949, с. 97.

⁸ Теория государства и права /под ред. В. Н. Струнникова. М.: 1968, с. 42.

⁹ Н. А. Власенко. Теория государства и права. М.,

Подчеркнем главное: суверенитет выражает приоритет права народа на устройство своей жизни, и в этом смысл национального (народного) суверенитета. Политическое объединение народа в государство придает именно последнему свойства суверенитета, т. е. обеспечение самостоятельного существования и развития народа как в пределах общества, так и в условиях мирового сообщества. Иные же характеристики в виде «прилагательного», «суверенная демократия»¹⁰, «суверенное право», «суверенная культура» и т. п. не оправданы, ибо их главной национальной гарантией является государство.

Каковы же основные проявления суверенитета государства во внутренней и внешней сферах? Народ и государство самостоятельно, во-первых, устанавливают устройство власти на всех уровнях, во-вторых, самостоятельно определяют структуру правовой системы, законодательства, в-третьих, исходя из национальных интересов определяют порядок и формы использования национальных ресурсов страны, а также цели и приоритеты социально-экономического развития, в-четвертых, самостоятельно определяют порядок и формы участия страны в делах мирового сообщества, круг и объем принятых международно-правовых обязательств государств («первичность» мандата члена мирового сообщества), в-пятых, народ и государство имеют право на оборону страны и защиту ее безопасности от любых угроз внешней среды, в-шестых, установлен общеправовой запрет нарушать суверенитет государства.

Напомним, что в Конституции Франции есть глава первая «О суверенитете», в которой принципом республики является правление народа, народом и для народа. Национальный суверенитет принадлежит народу, который осуществляет его через своих представителей и путем референдума. Эта классическая формула получила отражение в европейских конституциях. И в Конституции РФ установлено: источником власти является народ. Элементы суверенитета закреплены в главе 1 Конституции КНР, в статье 1^а Конституции Республики Никарагуа, в Конституции Венесуэлы. В конституциях ряда арабских государств говорится о населении как части Арабской нации и государство признается суверенным и независимым (ст. 1 Конституции Королевства Бахрейн). Целостность государства нерушима (ст. 1 Конституции Республики Йемен). Можно сказать, что такие формулы являются в основном типичными для характеристики суверенитета.

Юриспруденция. 2009, с. 36–37.

¹⁰ См., например, Суверенная демократия в конституционно-правовом измерении. М., Российская газета, 2007.

Эти положения получили признание в официальных международно-правовых документах. Принципы суверенитета государств, верховенства государственной власти и ее независимости, единства и целостности, неприкосновенности границ закреплены во всех международно-правовых актах. Причем их конкретное выражение имеет специфические формы в актах международных структур универсального типа (ООН и др.), в региональных межгосударственных объединениях (Европейский Союз, Таможенный Союз и Евразийский Союз и др.) в специализированных международных организациях (ВТО, ЮНЕСКО и др.), в двусторонних и многосторонних договорах о сотрудничестве и союзах.

Эти положения корректируют соответствующие нормы конституций государств, входящих в те или иные международные структуры. И здесь важен вопрос о природе полномочий, передаваемых государствами-членами образованному сообществу. Исходя из признания первичности «мандата государства» следует вести речь о передаче не суверенных прав, а о передаче некоторой компетенции, о некоторых полномочиях, передаваемых сообществу. Это предполагает и отзыв мандата и выход страны из сообщества.

Такова, например, норма Лиссабонского Договора о Европейском Союзе. Союз достигает своих целей средствами в пределах, которые предоставлены ему в Договорах. Принцип наделения компетенцией регулирует границы компетенции союза. Принципы субсидиарности и пропорциональности регулируют осуществление данной компетенции (любая компетенция, не предоставленная союзу в Договорах, принадлежит государствам-членам (статьи 3, 4, 5).

Вполне естественно возникает вопрос: а каковы реальные и возможные ограничения государственного суверенитета? Внутри страны нередко возникают конфликтные и критические ситуации, которые ограничивают или даже парализуют действие публичных властей и других институтов общества. Противоборство оппозиции, антиправительственные выступления, массовые волнения, в т.ч. при поддержке внешних сил или с помощью социальных сетей, служат деструктивными факторами сужения объема государственного суверенитета. И преодолеть их в поисках решения может только воля и действие главного источника власти – народа – путем выборов и референдумов.

Во внешней сфере наблюдаются явления ограничения суверенитета по двум причинам. Во-первых, добровольная передача части полномочий государства международным структурам «связывает» его действие другими нормами, правилами и решениями. Но компенсацией «потери» служит приобретение государством дополнительной защиты своих интересов. И расширение

каналов участия в обсуждении и принятии решений более широкого содержания в региональном и мировом масштабах.

Вопрос заключается в том, как обе стороны выполняют свои обязательства. В последнее время заметны разные маневры стран-членов Европейского Союза в условиях финансового кризиса, когда Англия сдержанно относится к евро и расширению сфер действия институтов ЕС, а другие страны (Греция, Португалия, Италия) – охотно получают финансовую помощь на более жестких условиях. Тут видны рамки реального экономического суверенитета разных государств.

Другое ограничение суверенитета происходит в условиях новых вызовов, когда государство якобы «слабеет»

Примерно с середины XX века в мировом сообществе проявляется такая закономерность в развитие государств как усиление и расширение экономических, научно-технических, торговых, информационных связей между государствами. А это ведет к увеличению удельного веса их общих интересов и соответственно дел, которые приходится решать совместно или на согласованной основе. Казалось бы, это отражает тенденцию XVIII-XIX веков, когда политические мыслители и даже Виктор Гюго провозглашали тезис о всемирном союзе народов, о соединенных штатах Европы, о европейской республике и т.п. Но теперь экономические и гуманитарные факторы приобретают острый политический характер – феномен «государства – нации» признается устаревшим.

Начало было положено в разработках известного Римского клуба в 60-70-х годах, когда разрабатываемые сценарии мирового развития предусматривали сужение объема суверенных прав государств, стирание их границ и постепенное усиление феномена «надгосударственности»¹¹.

Известный немецкий ученый Юрген Хабермас, исследуя вовлечение «другого», рассматривает тенденцию «преодоления» национального государства¹². Спор идет о нормативном самопонимании демократического правового государства. К концу подходит национальное государство, а вместе с ним всякая форма политической социализации. Граждане погружаются в анонимную сеть отношений, в которой им приходится согласно тем или иным собственным предпочтениям делать выбор между порожденными системой вариантами. В этом постполи-

¹¹ См. подробно. Будущее в настоящем. М., 1984.

¹² Юрген Хабермас. Вовлечение другого. Очерки политической теории. Перевод с немецкого Санкт-Петербург, «Наука», 2001, с.225-229.

тическом мире моделью поведения становится транснациональное предприятие. Конечной точкой является децентрализованное мировое сообщество, распадающееся на неупорядоченное множество самовоспроизводящихся и самоуправляемых функциональных систем.

Поддерживается положение о том, что гражданин сетевой эпохи оказывается во все меньшей степени определен своим участием в осуществлении суверенитета и во все большей степени – тем, что он может развить ту или иную деятельность внутри таких рамок, где все процедуры подчиняются ясным и предсказуемым правилам... Неважно, будут ли нормы устанавливаться частным предприятием или же чиновником администрации. Норма уже не будет проявлением суверенитета, она станет лишь фактором, снижающим степень неопределенности, средством сокращения расходов предприятия за счет достижения большей прозрачности. В силу этого напрашивается трактовка, согласно которой национальное государство должно быть, скорее, «снято», нежели упразднено.

Зарубежная наука идет дальше. Ряд лет в США выполнялись проекты Нью-Йоркского Университета школы права Института Международного права и Юстиции. Совместный вариант был проработан С. Мертонским колледжем Нью-Йоркско-Оксфордского Университета. Тема «Глобальное управление и глобальное административное право в международном правовом порядке». Обзорный материал, подготовленный Нико Криш и Бенедикт Кингсбири, содержит ряд радикальных положений.

Глобализация и появление глобального управления трансформируют структуру международного права. Различие между внутригосударственным и международным правом становится менее обоснованными, мягкие формы создания норм становятся все более распространенными, суверенное равенство государств постепенно подрывается и основание легитимности международного права все в большей степени ставится под сомнение.

Глобальное административное право означает, что большая часть глобального управления может пониматься как регулирование и администрация. Зарождается глобальное административное пространство, в котором строгая дихотомия (разделение) между внутригосударственным и международным, в большей степени, разрушена, в котором административные функции осуществляются часто в сложном взаимодействии между должностными лицами и институтами.

Отмечается, что множество регуляторных функций в глобальном управлении принадлежат внешне не формальным структурам публичной власти, управленческим структурам, номинально являющихся «гибридами», частно-публичными и смежными с частными институтами. Еще более спорным является вопрос о соотноше-

нии компетенции и юрисдикции Всемирной торговой организации, Международного банка, Международного валютного фонда, Международной организации стандартизации, и других международных неправительственных организаций, не входящих в структуру ООН и четко не регламентированных международным правом. Роль подобных структур все более увеличивается, поэтому Концепция глобального административного пространства служит альтернативой всем существующим до сих пор научным концепциям и теориям.

Суть концепции глобального административного пространства заключается в признании обоснованным множества форм и средств правового регулирования, так сказать, частно-публичного характера. Глобальное административное пространство не имеет национальных границ в правовом регулировании и отражает потребность в появлении новых форм властвования и управления, т.е. императивно-диспозитивных, отражающих потребности и специфику институтов права в условиях глобализации.

Международное право устаревает, благодаря невычлененной, спонтанной системе юридической силы резолюций и решений Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН, признающих и не признающих их государств. Глобальный административный порядок в рамках глобального административного пространства означает более широкое, подвижное, отвечающее современным требованиям, юридическое новообразование, гармонично вплетающееся в право, политику, экономику, культуру и другие сферы общественных отношений, которое не основано на суверенном равенстве государств, как международное право, но отличается транспарентностью, многофункциональностью и адаптированностью не только к публично-правовым, но и к частно-правовым институтам. Новые формы глобального административного права будут являться результатами консолидации международного, внутригосударственного и административного права, посредством появления новых «норм-конгломератов». Данные «нормы-конгломераты» могут появляться за счет имплементации норм не только международного права во внутригосударственное, но и наоборот, в имплементации норм глобального административного управления¹³.

В последние годы в трудах германских ученых о будущем государства делается тот же акцент на растворении «государства-нации» в иных структурах и коммуникациях. Но ведь такие государства давно уже отражают интересы не только «моно-нации», но и граждан всех национальностей, проживающих на его территории. Гармонизация межнациональных отношений становится

¹³ European Journal of International Law. vol. 17. 2006 №1.

актуальной задачей многих европейских стран, где закон как бы «усредняет» национальные интересы.

Видимо, не случайно последние полтора десятилетия характеризуются нарастающим воздействием иностранных государств под прикрытием международных структур на внутренние дела целого ряда стран. Лозунг защиты прав человека используется для принятия решений и совершения действий, нарушающих суверенитет. Бомбардировка Сербии, вмешательство США в дела Ирака под предлогом устранения «ядерных источников», поддержка антиправительственной оппозиции в Ливии и Сирии в 2011–2012 гг., иллюстрируют этот процесс. 4 февраля 2012 г. Совет Безопасности обсуждал проект резолюции о положении в Сирии, в которой осуждался режим Президента Асада и допускались меры по его смещению в угоду оппозиции. Вето России и Китая не позволило принять эту резолюцию.

Есть примеры и открытого ультиматума, когда зимой 2011 г. Европейский Союз потребовал от правительства Венгрии пересмотреть положения Конституции 2010 г. в части регулирования статуса Центрального Банка, СМИ и судов. Население страны решительно этому воспротивилось.

Эти и подобные события отражают стремление ряда государств нарушить принципы суверенитета, закрепленные в конституциях и международных документах. Странам, в которых происходят внутренние конфликты, прямо навязывают решения и действия, которые вправе совершить лишь народ страны и его центральные органы. Только народу принадлежит суверенное право определять устройство власти и политические режимы, согласиться с ними или протестовать. Иначе объем суверенитета государств ставится в зависимость от интересов «внешних сил».

Правильное понимание природы государственного суверенитета и форм его проявления во многом зависит от обоснованной оценки соотношения национального и международного права. Суверенитет служит своего рода фокусом пересечения основных правовых регуляторов. И в поисках их наблюдаются разные подходы. Один из них выражается либо в монистической трактовке права с объединением двух супер-систем, либо их параллельным развитием. Такая позиция выражена в вводной статье проф. Д. Шелтона и книге о влиянии разных источниках международного права на национальные правовые системы¹⁴. Другая позиция отражает подход ученых нашего Института о динамике соотношения национального и международного права¹⁵.

¹⁴ International Law and Domestic legal Systems edited by Dinah Shelton, Oxford, Press. University Press, 2011, p. 1–22.

¹⁵ Глобализация и развитие законодательства (очерки). Отв.

Глобализация является объективным процессом, но его нельзя использовать в узконациональных и транскорпоративных интересах. Между тем анализ событий, происходящих во внутренней жизни государств и на международной арене, позволяет отметить очевидные расхождения между их нормативным и фактическим суверенитетом. По разным политическим, экономическим, социальным и духовным причинам одни государства можно считать абсолютно независимыми в своей деятельности, допуская добровольную «связанность» только международными обязательствами, другие – зависимыми в политическом отношении, в экономическом отношении, в духовном плане (мощное влияние правовой идеологии и т.п.), наконец, как частично аннексированные (наличие чужих военных баз, контингентов, прямое давление на национальное правительство).

Вопрос заключается в правильно понятых и реализуемых национальных и международных интересах. Правовое обеспечение их гармоничного сочетания является актуальной задачей¹⁶, хотя реальные отступления от правовой модели слишком очевидны.

В современный период ученые и политики исходят из того, что государство может считаться суверенным лишь тогда, когда оно через свои органы реализует волю народа, когда его система управления демократична. С середины XX в. понятие суверенитета связывается с официальным признанием приоритета прав человека и гражданина – как в конституционном, так и в международном аспектах. Служение государства гражданскому обществу и человеку считается важнейшим признаком суверенности государства.

В международном плане принцип самоопределения наций и народов и суверенитета государств, созданных и действующих на основе свободного выбора народом своего политического строя, получил полное признание. В уставе и других документах ООН, Совета Европы, Европейского Союза, СНГ, МОТ, ЮНЕСКО отчетливо выражено стремление мирового сообщества гарантировать суверенитет народов и государств, уважать их территориальную целостность и самостоятельность. Принцип верховенства государственной власти на своей территории, невмешательства в дела государств стал одним из основополагающих принципов международного права.

В то же время надо учитывать тенденцию увеличения количества негосударственных участников междуна-

ред. Ю.А. Тихомиров, А.С. Пиголкин. Формула права. М., 2004, Международное право и национальное законодательство. М., ЭКСМО, 2010.

¹⁶ См.: Правовое обеспечение национальных интересов, Москва, 2005.

родных отношений в лице национальных и транснациональных экономических структур, неправительственных организаций, общественных объединений. Их действия на международной арене носят разновекторный характер и нередко вопреки государственной политике тех или иных стран. Всеобщий публичный интерес, общие международные региональные и иные интересы отодвигаются корпоративными интересами.

В этом контексте следует оценить и современную роль сравнительного правоведения, чьи методы и инструменты традиционно используются для поиска информации об иностранных правовых системах¹⁷. Вместе с тем в последние годы спектр сравнительного правоведения, по нашему мнению, существенно расширяется. Речь идет о национальных правовых системах, о правовых семьях, о праве межгосударственных объединений, о международном праве. Их «пересечение» и приоритеты не носят чисто абстрактного смысла, а подчас отражают острую борьбу интересов. Поэтому не копирование и механическое заимствование, а поиск «меры» общего отражает цели «суверенных» правовых систем. Поэтому процессы глобализации не должны полностью «стирать» национально-государственные различия, делать «капитализацию» единственной доминантой, ослаблять социальные аспекты развития.

Выделим основные каналы влияния внутреннего права на международное право. Бесспорным является первичное юридико-образующее значение внутреннего права, поскольку именно суверенитет государства предопределяет правообразование внутри и вовне в разных сферах жизни общества. Выражение государственной воли является источником создания структур, организаций и их норм. Это заложено в конституционном строе и конституции. Система внутреннего права все более отчетливо предопределяет специализацию международного права и формирование его отраслей, пока не «родных», а скорее «двоюродных» сестер соответствующих норм внутреннего права. Но плохо, когда «копируются» институты и виды правовых актов государства в структуре межгосударственных объединений. Подчеркнем - устойчивые правовые потребности двух и более государств порождают всеобщий публичный интерес, а отсюда происходит как бы международное укрупнение предметов национального регулирования.

Закономерность последних десятилетий - принципы и нормы международного права все более масштабно влияют на развитие внутреннего права. Возникает новая «правовая связанность государств», когда они добро-

вольно берут на себя международные обязательства и даже передают осуществление части своих суверенных прав (статья 79 Конституции РФ). Взамен государства приобретают новые возможности коллективного и согласованного решения публичных дел, использования для этого международных институтов, охраны своих интересов.

Бесспорна политико-правовая, своего рода общая нормативная ориентация, когда международная норма как бы обозначает предметы национально-правового регулирования ввиду их общезначимости.

Наблюдается очевидное влияние идей, принципов и структур международного права на процессы развития и реформирования отраслей внутреннего права (например, конституционного и гражданского).

Происходит процесс «перехода», «перелива» международных норм в национальные нормы – путем «деконцентрации» и конкретизации, полного или частичного воспроизведения (диспозиции) в тексте национального акта, ссылок и отсылок к таким нормам.

Международные нормы используются как средство толкования и как юридический аргумент в правоприменительной деятельности.

Важное значение имеет признание международных решений (документов) для ориентации деятельности законодательных, исполнительных и судебных органов.

Усиливается прямое воздействие технико-юридических норм и стандартов в регулировании технологически однородной национальной и международной деятельности.

В научном плане необходимо проводить анализ тенденций международно-правового и национально-правового развития, оценить роль России в меняющемся мире и динамику ее отношений с другими государствами. Фокусом анализа должны быть интеграционные процессы, в которых активно участвует наша страна. Их интенсификация и масштабность объясняются более плотными экономическими, социально-политическими связями государств, увеличением удельного веса общих задач, решение которых требует их совместных и согласованных действий. Различные формы межгосударственной интеграции во многом отвечают этой цели.

Межгосударственная интеграция означает поиск меры сочетания общих и национальных интересов, когда обеспечению государственного суверенитета служит участие государства в договорных отношениях, союзах и т.п. Конституционные положения, закрепленные в п. 4 ст. 15, п. «б» ст. 86, ст. 106 и ст. 79 Конституции РФ, позволяют России участвовать в международно-правовых отношениях, в подготовке и реализации международных правовых актов. При этом важно подчеркнуть разнообразие правовых режимов участия страны в интеграционных

¹⁷ Ю.А. Тихомиров. Сравнительное правоведение: развитие концепций и общественной практики, Журнал Российского права. №6. 2006.

процессах, своего рода восхождение от мягких режимов к более структурированным формам. Исследование таких переходов и их последствий представляется весьма полезным для науки и практики.

Среди международных структур все больший удельный вес приобретают межгосударственные объединения. Это – более высокая степень государственно-правовой интеграции. Для нее характерны а) общие историко-социальные судьбы государств, б) географическая близость, в) отражение в структуре системы национально-государственных институтов и их жесткое взаимодействие, г) строгая «связанность» национальных правовых актов, императивными актами межгосударственных объединений, д) наличие специальных процедур разрешения споров между государствами - членами. Объединения такого рода признаны конституциями ряда государств. Наряду с тенденцией возрастания удельного веса и роли интеграционных институтов в сфере преимущественно международного публичного права отметим тенденцию развития международных структур частного-правового характера. Их обоснованно считают субъектами субправа¹⁸, поскольку они раздвигают границы отражения корпоративных интересов. Всемирный банк, МВФ и другие структуры, а также разветвленные экономические объединения национальных бизнес-структур стали активно влиять на национальную и международную политику и на принятие решений государственными органами и международными структурами. Не оттесняются ли они подчас на второй план, не слишком ли доминирует «международное теневое право»?

Глобализацию как процесс всемирной универсализации нельзя оценивать только в положительном смысле. Ее отрицательные проявления и последствия очевидны уже сегодня и на них нужно своевременно реагировать. В сжатом виде можно вести речь:

а) о жестком давлении транснациональных корпораций на развитие национальных экономик, на процессы принятия политических и экономических решений;

б) об акценте на сугубо финансово-прибыльной стороне и недооценке социальных аспектов. Это ведет к массовым протестам и движению антиглобалистов, беспокоенным перемещением центров принятия решений;

в) о подавлении основ национального права и даже сокрушение отдельных институтов и отраслей законодательства под давлением «мировых императивов»;

г) об ослаблении суверенитета государств путем ограничения возможностей их свободной деятельности;

д) о жестких требованиях уставов межгосударственных объединений к национальным законодательствам.

Нарастающая взаимосвязь и взаимозависимость государств дополняются их общими усилиями по охране прав человека, по борьбе с международным терроризмом, по укреплению всеобщей безопасности. Эти усилия выражаются в действиях международных структур, в применении институтов международных наблюдателей, санкций, в использовании контингентов миротворческих сил. Соответствующие решения подчас принимаются без участия и согласия государств, которых это непосредственно касается.

Не колеблет ли это теорию суверенитета, которую якобы можно заменить теорией интересов мирового сообщества? Нет, речь должна идти об обеспечении суверенитета государств, который служит первичным основанием для отражения интересов сообщества. Именно в нем по-прежнему в публичной и легальной формах выражены коренные интересы и воля наций и народов, в нем заложен источник правообразования.

Обеспечению суверенитета государств под флагом глобализации общественных процессов посвящены государственно-правовые меры защиты. К ним относятся: а) право на самооборону; б) невступление в союзы и выход из союзов; в) неподписание или расторжение невыгодных международных договоров; г) применение санкций к нарушителям национальных законов; д) обеспечение режима таможенных и государственных границ; е) использование сил и средств специальных государственных институтов; ж) использование авторитета и средств международных структур.

Проблема заключается в том, чтобы обеспечение суверенных прав государств сопровождалось своего рода ее международно-правовой компенсацией. Имеются в виду, дополнительные гарантии государствам вследствие их участия в межгосударственных объединениях, широкие возможности внесения проектов общих решений, в-третьих, поддержка сообществом действий государств-членов. Данная формула должна действовать. И в будущем. И тогда суверенитет как гуманистическая доминанта мирового развития будет способствовать стабильному миропорядку и полному выражению интересов народов и, конечно, каждого человека.

¹⁸ С.В.Бахин. Субправо, Изд-во Санкт-Петербург. Юридический Центр Пресс, 2002.

Библиография:

1. Тихомиров Ю.А. Функционирование государства: диалектика классовых и общественных дел //Маркс и современная политическая теория. М., 1985.
2. Алиев М. Государство как институт согласия //Федерализм, 1998, №4.
3. Чиркин В.Е. Основы сравнительного государственоведения. М., 1997.
4. Ю.А. Тихомиров. Современное публичное право, М., ЭСМО. 2008. с. 161–232.
5. Ю.А. Тихомиров. Государство: преемственность и новизна. М., Юриспруденция. 2011.
6. А.Я.Вышинский. Вопросы теории государства и права. Госуд. изд. Юрид. лит. Москва, 1949
7. Теория государства и права /под ред. Н.Г.Александрова. М.: 1958
8. Теория государства и права /под ред. М.П.Каревой. М.: 1949
9. Теория государства и права /под ред. В.Н.Струнникова. М.: 1968
10. Н.А. Власенко. Теория государства и права. М., Юриспруденция. 2009
11. Юрген Хабермас. Вовлечение другого. Очерки политической теории. Перевод с немецкого Санкт-Петербург, «Наука», 2001
12. European Journal of International Law. vol. 17. 2006 №1.
13. International Law and Domestic legal Systems edited by Dinah Shelton, Oxford, Press. University Press, 2011, p. 1–22.
14. Глобализация и развитие законодательства (очерки). Отв. ред. Ю.А. Тихомиров, А.С. Пиголкин. Формула права. М., 2004, Международное право и национальное законодательство. М., ЭКСМО, 2010.
15. Правовое обеспечение национальных интересов, Москва, 2005.
16. Ю.А. Тихомиров. Сравнительное правоведение: развитие концепций и общественной практики, Журнал Российского права. №6. 2006.

References (transliteration):

1. Tikhomirov Yu.A. Funktsionirovanie gosudarstva: dialektika klassovyykh i obshchestvennykh del //Marks i sovremennaya politicheskaya teoriya. M., 1985.
2. Aliev M. Gosudarstvo kak institut soglasiya //Federalizm, 1998, №4.
3. Chirkin V.E. Osnovy sravnitel'nogo gosudarstvovedeniya. M., 1997
4. Yu.A. Tikhomirov. Sovremennoe publichnoe pravo, M., ESMO. 2008. s. 161–232; Ego zhe. Gosudarstvo: preemstvennost' i novizna. M., Yurisprudentsiya. 2011.
5. A.Ya.Vyshinskiy. Voprosy teorii gosudarstva i prava. Gosud. izd. Yurid. lit. Moskva, 1949
6. Teoriya gosudarstva i prava /pod red. N.G.Aleksandrova. M.: 1958
7. Teoriya gosudarstva i prava /pod red. M.P.Karevoy. M.: 1949.
8. Teoriya gosudarstva i prava /pod red. V.N.Strunnikova. M.: 1968
9. N.A. Vlasenko. Teoriya gosudarstva i prava. M., Yurisprudentsiya. 2009, s. 36–37.
10. Yurgen Khabermas. Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoy teorii. Perevod s nemetskogo Sankt-Peterburg, «Nauka», 2001, s.225-229.
11. European Journal of International Law. vol. 17. 2006 №1.
12. International Law and Domestic legal Systems edited by Dinah Shelton, Oxford, Press. University Press, 2011, p. 1–22.
13. Globalizatsiya i razvitie zakonodatel'stva (ocherki). Otv. red. Yu.A. Tikhomirov, A.S. Pigolkin. Formula prava. M., 2004, Mezhdunarodnoe pravo i natsional'noe zakonodatel'stvo. M., EKSMO, 2010.
14. Pravovoe obespechenie natsional'nykh interesov, Moskva, 2005.
15. Yu.A. Tikhomirov. Sravnitel'noe pravovedenie: razvitie kontseptsiy i obshchestvennoy praktiki, Zhurnal Rossiyskogo prava. №6. 2006.